РАЗДЕЛ XIX. ФИЛОЛОГИЯ

Аверина Е.В.¹, Юрина Н.Г.¹

Соловьёвские традиции воплощения темы апокалипсиса в лирике А. А. Блока

¹МОУ «Лямбирская СОШ № 2»²ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

(Россия, Саранск)

doi: 10.18411/sr-10-08-2019-49

idsp: sciencerrussia-10-08-2019-49

Аннотация

Статья посвящена изучению соловьёвской традиции в поэтических произведениях А. А. Блока, связанных с темой апокалипсиса. Авторы считают, что обращение к этой традиции происходило не только на раннем этапе творческого развития Блока, но и гораздо позже. Творческий диалог между двумя лириками протекал на уровне усвоения и развития образности, мотивов, использования определённых средств выразительности и ритмики.

Ключевые слова: лирика, тема апокалипсиса, А. А. Блок, В. С. Соловьёв, поэтическая традиция.

Ещё в 1970-е годы учёные, изучавшие творчество В. С. Соловьёва, констатировали, что как лирик он «оказался ближе к будущей поэзии „младших“ символистов, чем к реалистической эстетике XIX века» [3, с. 285]. Действительно, этот автор по праву воспринимается как учитель русских поэтов-символистов, начавших свою творческую деятельность на рубеже XIX–XX столетий. Одним из самых последовательных «соловьёвцев» стал А. А. Блок. Творческие параллели между двумя лириками изучали Д. Е. Максимов [2], З.Г. Минц [3] и др. Целью данного небольшого исследования является выявление влияния поэзии В. С. Соловьёва на лирику А. А. Блока на материале лирических произведений апокалиптической тематики.

Для поэзии В. С. Соловьёва «апокалиптическая тема – сквозная и ключевая» [7, с. 78]. Она присутствовала в его лирике, начиная с первых стихотворений, развивалась, углублялась и во многом определила особенности его позднего творчества. Последнее произведение Соловьёва, «Три разговора...», завершалось «Краткой повестью об антихристе», текстом пророческо-эсхатологического содержания, передавшим отечественной апокалиптической литературе XX столетия новые черты – «проникновение художественного вымысла, авторского мировоззрения, эпохальных элементов (при общем следовании библейской традиции)» [8, с. 266], а также присутствие смеховой стихии, которая помогала, «с одной стороны, показать реальное как бессмысленное и неисправимое, с другой – указать на несерьёзность всех жизненных зол в свете высшей истины» [6, с. 39].

Казалось бы, соловьёвские традиции должны быть более заметны в раннем поэтическом творчестве А. А. Блока. Действительно, в 1900 году поэт написал стихотворение «Увижу я, как будет погибать...» апокалиптической тематики. Однако оно достаточно далеко от соловьёвской поэтической трактовки апокалипсиса. Здесь конец времён по-соловьёвски понимается как закономерный итог развития вселенной, но лирический герой рисуется в ницшеанском духе: это сильная личность, возвышающаяся над общечеловеческой катастрофой, любующаяся «бытия ужасной тризной», одиноко ликующая на фоне столь небывалого зрелища. Он сын своего века, «влюблённого в уничтожение». Впрочем, эту особенность можно объяснить и

обращённостью всей поэзии Блока на творческую личность (Соловьёв рассматривал её в аспекте влияния на жизнь общечеловеческую и космическую). Не случайно Ю. Н. Тынянов в статье 1921 года писал: «Блок – самая большая лирическая тема Блока» [5]. Стихотворение «Увижу я, как будет погибать...» далеко от соловьёвской лирики и в плане образности. Так, «отчизна» лирического героя соотносится в нём с «погибающей вселенной», в то время как у Соловьёва это понятие традиционно указывало на иную область, небесную родину души.

В стихотворении Блока 1902 года «Верю в Солнце Завета...» больше соловьёвской образности и изобразительно-выразительных средств. Здесь говорится о «зорях» и «вселенском свете», «весне» и «отшатнувшейся лжи», «заповеданных лилиях» и небесном оке. Активно используются соловьёвские метафоры и эпитеты, цветопись (золотой, заревой – в живописной палитре), столь любимый Соловьёвым повтор. Как и во многих стихотворениях Соловьёва, структурно стихотворение направлено «ввысь», выстраивается «отсюда – туда», от земли к небу. Эпиграфом к произведению автор взял строчку из Апокалипсиса: «И дух и Невеста говорят: прииди». Однако и в этом случае следует говорить о востребованности в произведении не апокалиптической традиции Соловьёва, а скорее традиций его софийной лирики.

С годами апокалиптическая образность начинает использоваться в поэтических произведениях Блока в дробном виде: «Смерть, воздвигавшая тягостный звук» («Взморье», 1904), «снизошедшая Вечность» («Полуби эту вечность болот...», 1905), «трубный ангел в высоте» («Когда я прозревал впервые...», 1909), «грозная бездна», «сгущающаяся тьма», «веянье конца», «кружение вихревое» («Он занесён – сей жезл железный...», 1914), «И век последний, ужасней всех, / Увидим и вы, и я. / Всё небо сокроет гнусный грех, / На всех устах застынет смех, / Тоска небытия...» [1, с. 242] («Голос из хора», 1910–1914).

На наш взгляд, самым «соловьёвским» произведением в апокалиптической лирике Блока является стихотворение «Опять над полем Куликовым...» (1908), завершающее цикл «На поле Куликовом». В качестве эпиграфа для него поэт взял строки из соловьёвского «Дракона» (1900), в котором описывались ужасы царства антихриста: «И мглю бед неотвратимых / Грядущий день заволокло» [4, с. 137]. Полемизируя с толстовской идеей непротivления злу насилем, Соловьёв поэтически утверждал мысль о жизненной необходимости силового отпора мировому злу ради торжества Христова. Воплощая картину итогового столкновения добра и зла через средневековый миф о битве Зигфрида с драконом Фафниром, поэт подчёркивал в этом христианско-апокалиптический смысл.

Соловьёвское стихотворение определило поэтику и идею блоковского произведения. По-соловьёвски мифологизируются две силы, сходящиеся для последнего столкновения мирового значения на Куликовом поле: незримые полчища дьявола-Мамая и противостоящая им христианская рать. Как и Соловьёв, Блок описывает картину с позиции находящегося впереди христианского войска, зримо ощущающего наступление врага: ср. «Из-за кругов небес незримых / Дракон явил своё чело, – / И мглю бед неотразимых / Грядущий день заволокло» [4, с. 136] (Соловьёв) и «Опять над полем Куликовым / Взошла и расточилась мгла, / И, словно облаком суровым, / Грядущий день заволокла» [1, с. 358] (Блок). Совершенное время глаголов в обоих четверостишиях подчёркивает стремительность событий. Сходство усиливается за счёт общей картины поглощения света надвигающимся мраком и прямого повтора из соловьёвского стихотворения.

Сохраняя внешнюю структуру произведения предшественника (четыре катрена), Блок похоже выстраивает этапность развития поэтической мысли. У Соловьёва: сообщение о появлении Дракона – полемика с Л. Н. Толстым – обращение к выступающим против мирового зла, подчёркивание правоты и христианского смысла их дела (третье–четвертое четверостишие). У Блока: констатация первых признаков

итоговой битвы добра и зла – параллель с Куликовским сражением, необходимая в силу завершающей позиции стихотворения в цикле, – акцентирование на сверхважности момента для судьбы мира – обращение к противостоящим злу, несущим свет божественной Истины.

Блок подхватывает соловьёвский мотив «мглы», закрывающей «грядущий день», только актуализирует его, соотнося с Россией. Правда, во втором катрене, образ мглы повторяется с эпитетом «разливающаяся». Тем самым Россия становится лишь исходной точкой для будущей «битвы чудной» между абсолютным Злом и абсолютным Добром. Использование лексики с семантикой возврата (наречие «опять») делает битву на Куликовом поле своего рода символом, олицетворяющим повторение общечеловеческих событий на новом витке истории, связь прошлого с будущим. Вот почему последние строки блоковского стихотворения («Доспех тяжёл, как перед боем. / Теперь твой час настал. – Молись!» [1, с. 358]) обретают эсхатологическое, соловьёвское звучание: гром «высоких и мятежных дней» неминуем и уже близок.

Как и Соловьёв в «Драконе», Блок выстраивает свой текст на разного рода повторах: морфемных, лексических, многосоюзии и др. («взошла» – «заволокла»; «мгла» – «мглой»; «взошла... и расточилась... и заволокла»; «и плеск, и трубы лебедей»). Востребованным у Блока оказался соловьёвский приём использования эпитета с семантикой неопределённости (у Соловьёва: «незримые небеса», «неотразимые беды», у Блока: «непробудная тишина») и глаголов с семантикой безличности (у Соловьёва: «заволокло мглою бед», «нет зла»; у Блока: «не слышно», «не видно», «узнаю тебя»). Произведения близки по настроению тревожности, особой напряжённости, трагичности. Вздошность, повышенную эмоциональность оба автора передали через восклицания, использованные в небольших по объёму текстах дважды.

Блок заимствовал ритмику Соловьёва: как и «Дракон», его стихотворение написано четырёхстопным ямбом, в то время как другие произведения цикла «На поле Куликовом» имеют иной ритмический рисунок. Ямб задавал достаточно быстрый темп, ритмику стремительной смены событий.

Таким образом, при поэтическом воплощении темы апокалипсиса А. А. Блок часто опирался на лирическую традицию, заложенную В. С. Соловьёвым. Это проявилось через усвоение отдельных образов и мотивов, изобразительно-выразительных средств, цветописи, ритмики.

1. Блок А. А. Стихотворения и поэмы. – М. : Правда, 1978. – 480 с.
2. Максимов Д. Ал. Блок и Вл. Соловьёв (по материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс : межвуз. сб. науч. тр. – Иваново : ИвГУ, 1981. – С. 115–189.
3. Минц З. Г. Поэтика русского символизма. – СПб. : Искусство-СПб, 2004. – 478 с.
4. Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. – Л. : Совет. писатель, 1974. – 352 с.
5. Тынянов Ю. Н. Блок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/nachalo-xx-veka/117-yu-tyunyanov-blok>.
6. Юрина Н. Г. Жанровый состав шуточной лирики В. С. Соловьёва // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина – 4014. – Т. 1. – № 1. – С. 30–39.
7. Юрина Н. Г. Тема апокалипсиса в поэтическом творчестве Вл. Соловьёва: романтико-реалистическая и символистская традиции // Соловьёвские исследования. – 2012. – № 3 (35). – С. 67–81.
8. Юрина Н. Г. Традиции русской апокалиптической литературы XVIII века в «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьёва (Соловьёв и Яворский) // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 4. – С. 256–266.